

Резкая перемена не застала их врасплох — все трое проявили удивительное хладнокровие.

Шэнь Цинчжоу мгновенно сделал пару шагов назад, заслоняя рукой Цинь Сыминь. Укрыв обеих спутниц за своей спиной, он опустил ладонь: Меч Влекущий Тень бесшумно выскользнул из ножен, послушный его воле.

Клинок Цинь Сыминь — Меч Колеблющий Чувства — грозно блеснул обнажённой сталью. Ладони Су Пинь окутало мерцание духовной силы. Каждая была готова отразить удар.

Древние руины Царства Шаохао таили в себе первозданное волшебство; здесь любое, даже самое немыслимое чудо казалось естественным.

Дрожь тяжёлых медных звеньев постепенно утихла, но новой угрозы не последовало. И всё же расслабляться никто не спешил.

— Что это?.. — едва слышно прошептала Су Пинь, ища взглядом Шэнь Цинчжоу. Ведь именно он привёл её сюда.

Юноша оставался сосредоточенным и мрачным. Он затаил дыхание и в ответ на её вопрос лишь едва заметно покачал головой.

Вдруг цепи содрогнулись с новой силой. Вдоль потемневшего металла, струясь со всех сторон полноводной сверкающей рекой, хлынули бесчисленные крупницы света. Они искрились мягко, не ослепляя глаз, — словно мириады золотистых светляков, вспорхнувших в тёплую июльскую полночь.

Словно ручьи, спешащие к великому морю, мириады огней сошлись в самом центре святилища, окутывая исполинское изваяние на вершине алтаря.

— Это ещё что?! — Су Пинь испуганно пригнулась и оскалилась, став похожей на дикуую лисицу, у которой от страха вздыбилась шерсть.

Шэнь Цинчжоу не ответил. Он намертво уставился на человекоподобную каменную глыбу. Меч Влекущий Тень в его руке источал грозную, непреклонную ярость. Древняя духовная энергия, дремавшая в клинке тысячелетиями, бурно хлынула в тело юноши, заполняя меридианы.

Его собственная культивация едва достигала начальной ступени Плавления Эссенции в Ци, но поскольку легендарный клинок уже признал его своим господином, Шэнь Цинчжоу мог черпать из него колоссальную силу, поднимаясь до уровня Превращения Ци в Дух.

Когда последняя светящаяся искра растаяла в камне, над алтарем поползли струйки сизого дыма. Сгущаясь, они соткали зыбкую, колеблющуюся человеческую фигуру.

Невозможно было разобрать ни черт её лица, ни возраста, ни пола, однако в глазах ошеломлённых путников этот сотканный из тумана силуэт вырастал до исполинских, божественных размеров.

Святилище озарилось призрачным свечением, и под сводами зала зазвучал голос — удивительный, в котором величие глубокой старости сочеталось с чистотой звонкой юности.

— Имя моё — Цзи Сюаньсяо. Земные же племена зовут меня Белым Императором Шаохао.

Слова эти грянули подобно грому посреди безмолвной ночи.

— Владыка Шаохао?.. — Су Пинь шумно выдохнула, лишившись дара речи.

Не веря собственным глазам, она уставилась на алтарь, а затем с силой ущипнула себя за руку. Резкая боль заставила её вздрогнуть.

Значит, не сон... В голове у неё всё шло кругом.

«Госпожа моя принцесса... Ваша верная слуга воистину сподобилась великой чести: пред моими очами предстал сам Белый Император...»

Шэнь Цинчжоу замер, превратившись в слух.

— Коль скоро вы зрите мой лик, значит, наложенное мною в Бездне Гаюань великое знамение сработало, а преемники исполнили древний обет.

— Сам я ныне мало чем отличаюсь от мертвеца. То, что вы зрите пред собою — лишь призрак былого, оставленный на исходе дней.

Шэнь Цинчжоу запоминал каждое слово, а его разум тем временем лихорадочно искал ответы.

Чжоу Фу оказался прав: Царство Шаохао действительно таило в себе исполинскую запечатывающую формацию. Но кто же тот преемник, о котором говорил призрак? Неужели Чёрный Император Чжуаньсюй? А может, вожди кланов Цюнсан или Цзиньтянь, унаследовавшие его наследие?

Ведь истинным «Белым Императором» был лишь первенец Хуан-ди — Цзи Сюаньсяо, тогда как великое имя «Шаохао» могли носить многие вожди, наследовавшие его трон.

И всё же Шаохао обмолвился, что он «почти мёртв». Значит ли это, что искра его жизни до сих пор теплится где-то в недрах руин? Если Чжоу Фу сумел уцелеть со времён Великого Юя, быть

может, в подлунном мире и впрямь сокрыто таинство вечной жизни?

Зыбкий призрак безучастно продолжал свой рассказ.

— Небесный Разлом... Не ведаю, сумели ли грядущие поколения залечить эти раны мира и открылась ли им тайна появления этих бездн.

— Древние боги заплатили за это непомерную цену. Великая формация Бездны Гаюань сковала чудовищную силу — самую огромную брешь из всех, что когда-либо терзали поднебесную!

В голове у Шэнь Цинчжоу словно разорвалась молния. Ему стоило огромных усилий не выдать своего потрясения ни единым движением.

Здесь сокрыт Небесный Разлом!

Он хорошо помнил рассказы Чжоу Фу, утверждавшего, будто древние владыки давным-давно залечили все раны пространства, оставив лишь одну безвредную брешь на вершинах Куньлуня, через которую наставник и взирал на мир.

Впрочем, Алтарную террасу императоров воздвигли лишь после того, как Великий Юй сокрушил чудовищного Сянлю. Между той эпохой и временами Белого Императора пролегло пять веков, и Шаохао, сокрытый в своей гробнице, просто не мог знать о великих победах грядущих поколений.

И пусть Шэнь Цинчжоу не знал, какую угрозу несёт в себе первозданная брешь, печать Белого Императора вселяла надежду, что оковы удержат древний хаос.

Но если Шэнь Цинчжоу хотя бы смутно понимал суть происходящего благодаря откровениям наставника, то Цинь Сыминь и Су Пинь слушали призрак в полнейшем недоумении. Озадаченные, они переглянулись.

— Небесный Разлом?.. Что это ещё за напасть? Вы слышали о таком когда-нибудь? — Су Пинь недоумённо обхватила себя руками за плечи.

Цинь Сыминь покачала головой. Шэнь Цинчжоу на мгновение замялся, но предпочёл промолчать.

Голос Белого Императора вновь зазвучал под сводами зала.

—... На вершинах Ушани сокрыто снадобье вечной жизни. Я повелел вестнику Хуанню принести сей плод и вкусил его. Однако земная плоть, сколь бы ни силилась, не способна познать покой истинного бессмертия.

— Каждые шестьдесят лет моё тело неумолимо возвращается к тому дню, когда я сделал первый глоток снадобья. Дабы скрыть это таинство от взоров смертных, мне приходилось менять имена и облики.

— Великие вожди кланов Цюнсан, Цзиньтянь, Цинъян и Джусюань — за всеми ними стоял лишь один человек. Лишь имя моё оставалось вечным — Шаохао...

Шэнь Цинчжоу замер, ошеломлённый до глубины души. В ушах звенело, разум отказывался верить услышанному, но парящий перед ним лик великого предка рассеивал последние сомнения.

Теперь всё вставало на свои места. Из пяти великих императоров древности Фуси, Хуан-ди, Шэнь-нун и Чжуаньсюй всегда упоминались как единые правители, чья жизнь оборвалась в положенный срок. И лишь предания о Белом Императоре оставались сбивчивыми, порождая споры о том, сколько именно правителей сменяли друг друга на престоле.

Истина оказалась проста: древние хроники не лгали. Шаохао во все века был один и тот же.

Су Пинь изумлённо округлила глаза:

— Снадобье Ушани... то самое снадобье бессмертия?! И Белый Император испил его? Выходит, всё это время под именем Шаохао правил один-единственный человек?

Она не могла решить, какое из этих откровений ошеломило её больше.

—... Пришло время, и я передал престол Чжуаньсюю. Своё бессмертное тело я превратил в око бури — средоточие великой печати, дабы с помощью богов сковать Небесный Разлом Бездны Гаюань.

— Чёрная брешь медленно подтачивает всё, с чем соприкоснётся её дыхание, но моя плоть возрождается без конца. С силой великой формации этот Разлом более не сможет вредить живым тварям...

Услышав это, Шэнь Цинчжоу сделал шаг вперёд, не отрывая взгляда от безмолвного каменного изваяния на вершине алтаря.

Неужели эта холодная глыба... и есть сам Белый Император?

Птицы летели на зов Феникса... Вот он, великий Владыка Пернатых!

Он пожертвовал живой плотью, чтобы вечно сдерживать тлен великого Разлома, и сам обратился в безмолвный гранит. Жизнь замерла в камне, лишив его чувств, движений...

Воистину, удел не лучше смерти.

Душу Шэнь Цинчжоу захлестнуло неведомое доселе благоговение. Вернув верный клинок в ножны, он проигнорировал попытку Цинь Сыминь удержать его и взлетел на алтарь. Поднявшись к самому призрачному силуэту, юноша медленно протянул руку к клубящемуся дыму.

— Цинь Куньюй! Куда тебя несёт?! — испуганно крикнула Су Пинь.

Она рванулась следом, чтобы оттащить его назад при первой же опасности, но уже через два шага наткнулась на невидимую преграду.

Су Пинь ударила по воздуху ладонью, однако невидимый щит оказался твёрд, точно скала. Она мгновенно побледнела.

— Что за чертовщина?!

— Путь к алтарю для нас закрыт, — ровно отозвалась Цинь Сыминь.

— Какая глупость! Твой ненаглядный малый шишу поднялся без труда, почему же нас не пускает? — Су Пинь резко обернулась. — Старшая мисс Цинь, если мы не поможем ему сейчас, ты лишишься единственного шишу!

— У меня двадцать шесть шишу, — безучастно обронила Цинь Сыминь, не шелохнувшись. С мечом в руке она наблюдала за Шэнь Цинчжоу, чья ладонь уже погрузилась в призрачную вуаль.

Су Пинь чуть не взвыла от досады:

— Но малый-то шишу у тебя один-единственный!

Шэнь Цинчжоу коснулся густого тумана. Вопреки ожиданиям, пальцы наткнулись на нечто осязаемое — неощутимое для глаз, но плотное, материальное.

На мгновение затаив дыхание, он решился: резко сжал пальцы и рванул скрытый в дымке предмет наружу.

В ту же секунду великанский силуэт затрепетал, пошёл рябью и рассыпался прахом.

Волшебное сияние померкло, и древний зал утонул в давящем, густом полумраке.

Не успел Шэнь Цинчжоу перевести дух, как снизу донёлся встревоженный голос Су Пинь:

— Ты как там? Живой? Нашёл что-нибудь?

Юноша скользнул взглядом по пустой ладони:

— Да нет, ничего...

Но едва он договорил, как из пор кожи заструилась прохладная белая дымка. Она свилась в кольцо, растаяла, и на ладони остался лежать гладкий белый нефрит — узкая пластина, напоминавшая половинку расколотой бамбуковой дощечки для письма.

«Почему же от неё так веет родным... в точности как на Алтарной террасе императоров?..»

Разум юноши сработал мгновенно. Выбор был сделан за долю секунды.

—... Пусто.

Поворачиваясь к спутницам, он неуловимым жестом спрятал нефрит в широкий рукав.

Су Пинь не стала допытываться. Ей хотелось лишь одного — поскорее убраться из этого жуткого зала. Судьба принцессы оставалась неизвестной, и для преданного стража любые промедления были невыносимы.

— Надо уходить, — поторопила она спутников. — Белый Император не просил нас о помощи, так чего зря топтаться у чужого надгробия? Не стоит тревожить прах предков.

Подарив безмолвному изваянию долгий взгляд, Шэнь Цинчжоу сбежал по ступеням алтаря. Цинь Сыминь, мгновение назад казавшаяся бесстрастной, порывисто рванулась навстречу и мёртвой хваткой вцепилась в рукав шишу. Она смотрела на него с немым, упрямым беспокойством.

— Всё хорошо, я цел, — негромко вздохнул он и ласково похлопал девушку по бледным пальцам.

Зал великой печати напоминал растревоженный муравейник со множеством ходов. Помимо коридора, через который они пришли, во тьму разбегались узкие тропы. Но лишь одна из них могла вывести к принцессе Чандин.

Су Пинь заметалась по залу, выискивая дорогу:

— В какую сторону теперь идти?

— Свяжись с принцессой Чандин, — подала голос Цинь Сыминь, не выпуская рукав шишу.

Су Пинь растерялась. Осознав, что старшая мисс Цинь обращается к ней, она воинственно упёрла руки в бока:

— Да если бы у меня была связь с госпожой, разве я... — Она едва не ляпнула «разве мне понадобилась бы ваша помощь?», но вовремя опомнилась и неловко переиграла: —...разве я металась бы тут как ошпаренная?

Цинь Сыминь промолчала, переведя взгляд на Шэнь Цинчжоу. Тот замер, опустив голову и о чём-то напряжённо размышляя.

Заложив руки за спину, Шэнь Цинчжоу медленно подошёл к стене, на которой был высечен древний тотем птицы иньцюэ. Постояв перед ним мгновение, он решительно надавил на его глаз.

Иньцюэ властвовала над осенью, а её стихией был запад.

Каменный глаз, искусно выточенный из редкого горного хрусталя, поддался под его пальцами. Из глубины прозрачного зрачка вырвался сноп яркого золотого сияния.

Стены содрогнулись от глухого рокота. Из глубины залов донёсся чистый, пронзительный клёкот, заставивший затрепетать сердца.

Стена, испещрённая древней резьбой с изображением птичьих стай, со скрежетом сдвинулась с места. Посередине пролегла косая трещина, и каменная глыба, точно тяжёлые монастырские ворота, медленно ушла вглубь.

— Надо же, потайная дверь! — Су Пинь так и застыла с открытым ртом. — Как ты это понял?

— Просто решил проверить догадку, — спокойно отозвался Шэнь Цинчжоу.

Сказать по правде, он и сам не знал, почему выбрал именно этот камень. В глубине его сознания вдруг прошелестел чужой, едва различимый голос:

«Коль растерялся в путях — коснись птиц».

Он долго вглядывался в каменное изваяние, пока не приметил, что хрустальный глаз едва заметно выступает над резьбой. Нажал на свой страх и риск — и угадал.

Вот только... на душе у него было беспокойно. Чей голос подсказал ему решение?

Шэнь Цинчжоу коснулся нефрита сквозь плотную ткань рукава. Быть может, всё дело в этой загадочной пластинке? Но если так, то направлял его руку сам...

Он вновь обернулся к алтарю. Он всматривался в неровные, истерзанные веками очертания серого валуна, силясь разглядеть сквозь каменный панцирь величественный лик легендарного владыки древности.

Но тут Су Пинь резко вскинула голову, прислушиваясь. В то же мгновение она поморщилась. Подобно вихрю она пронеслась мимо Шэнь Цинчжоу и отчаянно позвала в темноту открывшегося зева:

— Госпожа!

С трудом сдерживая волнение, она бросила юноше:

— Сюда! Я слышала принцессу!

И не дожидаясь ответа, она без оглядки ринулась в проход.

— Су Пинь, стой! — Шэнь Цинчжоу попытался удержать её, но тщетно. Сделав знак Цинь Сыминь, он устремился следом.

Но Цинь Сыминь не сдвинулась с места. Осмотревшись, она подошла к рельефу сорокопута, олицетворявшему лето, и осторожно коснулась хрустального глаза. С силой надавила.

Стена осталась недвижима.

Попробовала ещё раз — тщетно. Тогда она быстрыми шагами обошла тотемы ласточки и золотого фазана, проверяя их хрустальные глазницы.

И снова ничего. Каменные плиты не поддались её воле, упрямо скрывая свои тайны.

Девушка таинственно прищурилась. Оставив бесплодные попытки, она бросилась догонять Шэнь Цинчжоу и Су Пинь.

Догнав Шэнь Цинчжоу, она увидела, что тот держит оружие наготове. Су Пинь закрывала собой статную, волевою женщину, преграждая путь приземистому старику.

Старик раздосадованно размахивал руками:

— Да сколько можно талдычить! Лю Сюаньдэ я, Лю Сюаньдэ!

Су Пинь язвительно усмехнулась:

— Коль ты Лю Сюаньдэ, то я — великий Цинь Шихуанди!

<http://bllate.org/book/18428/1826200>